

О БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ*

<...> Можно, видимо, с уверенностью (пока что) утверждать: ни единого мгновения со стороны **царя** вообще не существовало намерения достичь действительно продолжительного и честного согласия <Verständigung> с этими людьми, которых он всего только за шесть месяцев до того характеризовал в крайне непарламентских выражениях. Если считаться с этим «моментом» как «просто данным», тогда, конечно, не приходится сомневаться, что Россия «не созрела» для честной конституционной реформы, но дело тогда не в либералах. Ибо тогда необходимо также заключить, что в этих обстоятельствах, покуда не было дано совершенно иных «гарантий», мысль о «согласии» с правительством фактически не могла иметь никакого политического смысла для земского либерализма. Его представители не могли ничего поделать, только «высоко нести свое знамя» <i>ihren Schild rein erhalten</i>, после того как исполнили свою «миссию» в том объеме и в том смысле, насколько это вообще было возможно тогда. Вполне возможно, хотя уверенным быть и нельзя, что в ближайшем будущем они сумеют смириться с тем, что блестящее в своем роде движение земского либерализма, которым Россия имеет не меньше оснований гордиться, чем мы, немцы, Франкфуртским парламентом, пока что, вероятно, — в прежней его форме — «принадлежит истории». И это было бы для его будущего, пожалуй, лучше, чем какое-нибудь «мартовское министерство»¹. Лишь так «идеологический» либерализм может остаться в своей идеальной области, недостижимой для внешнего насилия «властью», и, видимо, лишь так возможно восстановить разрушенное в течение последнего времени единство между сильной своею собственностью <Besitz>, универсальным образованием и политическим опытом «буржуазной» интеллигенцией и интеллигенцией «пролетароидной», которая важна ввиду ее численности, ее тесного контакта <Fuhlung> с «массами» и ее безоглядного мужества в борьбе — после того, как вследствие предстоящих ей разочарований, она откажется от своей нынешней недооценки фактического значения, какое имеет-таки антипатичный ей «на дух» «буржуазный» элемент. О разложении «народнической» романтики позаботится дальнейшее развитие капитализма. Без сомнения, ее место займет, по большей части, марксизм¹. Но для работы над огромной основополагающей аграрной проблемой его духовных средств совершенно недостаточно, и именно она может вновь свести между собой оба эти слоя «интеллигенции». Ее явно смогут разрешить только органы самоуправления, и уже поэтому жизненно важным кажется вопрос о том, что либерализм по-прежнему усматривает свою задачу в противоборстве бюрократическому, а равно и якобинскому **централизму** и в работе по внедрению в массы старых индивидуалистских идей о «неотчуждаемых правах человека», ставших для нас, западноевропейцев, столь же «тривиальными», как черный хлеб для того, кто ест досыта.

Однозначных указаний для построения социальной и экономической программы эти «естественно-правовые» аксиомы дают столь же мало, насколько мало сами они однозначно порождены только какими-либо экономическими условиями — и менее всего «современными».

Напротив, как бы сильно ни приходилось в борьбе за такие «индивидуалистические» жизненные ценности учитывать «материальные» условия окружаю-

* Перевод фрагмента работы Вебера «Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland» выполнен по изданию: *Weber M. Gesammelte Politische Schriften / Hrsg. v. J. Winkelmann. 3. Auflage. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1971* и сверен по изданию: *Weber M. Gesamtausgabe. Abteilung I: Schriften und Reden. Band Hrsgg. v. W.J. Mommsen u. D. Dahlmann. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1989. S. 267—279*. В своих примечаниях (см. цифры со скобкой) переводчик частично использовал примечания издателей этого тома. Примечания Вебера отмечены цифрами без скобок. — *Примеч. ред.*

щего мира, столь же мало можно было бы предоставить «реализацию» этих ценностей «экономическому развитию». Шансы «демократии» и «индивидуализма» нынче были бы куда как невелики, если бы в «развитии» их нам пришлось полагаться на «закономерное» действие **материальных** интересов. Ибо последние с совершеннейшей очевидностью указывают противоположный путь: к американскому «benevolent feudalism», к немецким так называемым «учреждениям благосостояния», к русскому фабричному законодательству <Fabrikverfassung> — повсюду уже готов каркас новой кабалы <Horigkeit>, он только ждет, что замедление темпа технико-экономического «прогресса» и победа «ренты» над «прибылью» в связи с истощением еще «свободных» почв и еще «свободных» рынков заставит массы наконец-то «послушно» этот каркас заполнить. И одновременно возрастающая сложность хозяйства, частичное огосударствление или «огородование» <Verstaatlichung oder>, <«Verstadtlichung»>, территориальные размеры народного тела создают все новую писанину, все большую специализацию, основанную на разделении труда, и профессиональную вышколенность в управлении, иными словами — касту. Те американские рабочие, которые выступали против «Civil Service Reform», знали, что делали: они предпочитали, чтобы ими правили сомнительные в моральном отношении выскочки, чем патентованные мандарины, но протесты их были безрезультатны³¹.

Пусть же ввиду всего этого успокоятся, наконец, те, кто живет в постоянном страхе, будто в мире окажется в будущем слишком много «демократии» и «индивидуализма» и слишком мало «авторитета», «аристократии» и «уважения к должности» или чего-либо подобного: о том, чтобы деревья демократического индивидуализма не выросли до небес, уже позаботились и даже с избытком. Весь опыт говорит о том, что «история» неизбежно вновь порождает «аристократии» и «авторитеты», за которые может цепляться всякий, кто найдет это необходимым для себя или — для «народа». Если бы дело было только в «материальных» условиях и прямо или косвенно «создаваемых» ими конstellациях интересов, то по трезвому размышлению непременно следовало бы сказать: все **экономические** метеоприборы указывают в направлении возрастающей «несвободы». Просто смехотворно приписывать современному развитому капитализму, в том виде, в каком он ныне импортируется в Россию и существует в Америке, приписывать этой «неизбежности» нашего хозяйственного развития избирательное сродство с «демократией» или даже «свободой» в **каком-либо** смысле слова, в то время как вопрос-то может ставиться только так: как вообще «возможно», чтобы, при его господстве, все это <т.е. демократия и свобода> продолжалось? Фактически они существуют лишь там, где за ними — решительная **воля** нации не дать править собой как стадом баранов. «Против течения» материальных конstellаций мы суть «индивидуалисты» и сторонники <Parteiganger>, «демократических» институтов. Кто желает быть флюгером «тенденции развития», пусть поскорее оставит эти старомодные идеалы. Предпосылкой исторического возникновения современной «свободы» были уникальные, никогда больше не повторяющиеся конstellации. Перечислим важнейшие из них. Во-первых, заокеанская экспансия: в армиях Кромвеля, во французском Учредительном собрании, во всей нашей хозяйственной жизни, веет, еще и поныне, этот заморский ветер, но в распоряжении нет уже новой части света; именно на эти огромные внутренние области: североамериканского континента, с одной стороны, и России — с другой, именно на эти однообразные, способствующие схематизму равнины неудержимо перемещается центр тяжести населения западной культуры, как некогда в эпоху поздней античности. Во-вторых, своеобразие экономической и социальной структуры «раннекапиталистической»² эпохи в Западной Европе, а в-третьих, завоевание жизни наукой, «возвращение духа к самому себе»⁴⁾, — но рациональное оформление внешней жизни, несомненно, после уничтожения бесчисленных «ценностей», сегодня, по меньшей мере, «в принципе», сделало свое дело: универсальный результат его, в нынешних

условиях «деловой» жизни, — униформирование внешнего стиля жизни путем «стандартизации»⁵⁾ производства, а наука, чисто как таковая, больше уже не создает теперь никакой «универсальности» личности. Наконец, определенные, выросшие из конкретного исторического своеобразия определенного религиозного мира идей идеальные представления о ценностях, которые, взаимодействуя с многочисленными и настолько же своеобразными политическими констелляциями и указанными материальными предпосылками, наложили свой отпечаток на «этическое» своеобразие и «культурные ценности» современного человека. Достаточно только поставить вопрос, способно ли какое-либо материальное или даже сегодняшнее позднекапиталистическое <hochkapitalistische> развитие как таковое сохранить или даже заново создать эти уникальные исторические условия, чтобы сразу же знать ответ. И нет даже слабой вероятности того, что экономическое «обобществление»⁶⁾ как таковое должно будет нести в своем лоне либо развитие внутренне «свободных» личностей, либо же «альтруистические» идеалы. Находим ли мы, допустим, хоть какие-то ростки чего-либо в этом роде у тех, кого, по их собственным воззрениям, «материальное развитие» увлекает к неизбежной победе? «Корректная» социал-демократия муштрует дух масс для торжественного марша, указывая им при этом не на рай потусторонний (каковому в пуританстве приходилось демонстрировать **также и** весьма вуншиательные достижения на ниве посюсторонней свободы), а вместо того — на <рай> посюсторонний, делая из него род профилактической прививки для сторонников существующего порядка. Она приучает своих воспитанников к покорности догмам и партийным авторитетам, к безрезультатным спектаклям массовых стачек и к бездеятельному наслаждению тем изматывающим и, в глазах противников столь же безобидным, сколь и, в конечном счете, смехотворным рычанием ее бенифициантов, сделавших из прессы пресс для выжимания своих доходов⁷⁾, иными словами, к «истерическому наслаждению аффектом», замещающему и вытесняющему экономическое и политическое мышление и действие. На этой стерильной почве — раз «эсхатологическая» эпоха движения уже миновала и поколение за поколением напрасно сжимают кулаки в карманах и скрежещут зубами супротив небес — может произрасти лишь духовная тупость.

А время при этом торопит «делать дела, доколе есть день»⁸⁾. То, что теперь, в продолжение ближайших поколений, покуда не сломана еще экономическая и духовная «революция», изруганная «анархия» производства и столь же поносимый «субъективизм», достигнуто для <образования> индивида, который в силу этого и **только этого** оказался основанием себя самого, именно индивида широких масс, а не «неотчуждаемой» сферы личности и свободы, это (если уж мир действительно окажется экономически «полон» и интеллектуально «насыщен»), **быть может**, не будет отвоено никогда — насколько наше слабое зрение способно проникнуть в непроницаемый туман будущего человеческой истории.

Как бы тяжелы ни оказались в ближайшее время удары реакции, Россия все-таки окончательно ступила на путь специфически европейского развития: мощная иммиграция западных идей разлагает здесь патриархальный и коммунистический консерватизм, в то время как, наоборот, широкая эмиграция людей из Европы, именно из Восточной Европы, в Соединенные Штаты приводит там к разрушению старых демократических традиций — в обоих случаях в союзе с силами капитализма. В некоторых отношениях — об этом еще придется сказать подробнее — несмотря на чудовищные различия, экономическое своеобразие капиталистического развития обоих «коммуницирующих» резервуаров народонаселения, оказывается все-таки сравнимым: главным образом, оторванность от «исторического» оказывается для обоих неизбежной и воздействует совместно с «континентальным» характером почти безграничной географической сцены. Но в обоих случаях — и это более важно — дело равным образом заключается в том, что в некотором смысле развитие, происходящее и там, и там — это, быть может, действительно «последняя» подходящая возможность

для построения «свободных» культур «с самого основания». «Тысячелетия должны были пройти, прежде чем ты вступишь в жизнь, и последующие тысячелетия молча ждут, чему ты положишь начало своей жизнью» — эти слова Карлейля, эта попытка страстной веры в личность докричаться до каждого нового человека, могут быть без преувеличения приложены к теперешнему состоянию и Соединенных Штатов, и России, отчасти по тому, что уже есть, отчасти — по тому, что можно предвидеть в последующем поколении. И следовательно, невзирая на все отличия в национальном своеобразии (не будем их для себя замалчивать), а также, вероятно, и многих национальных интересов, мы не можем смотреть на русскую освободительную борьбу и ее носителей, все равно, к какому «направлению» и «классу» они относятся, иначе, кроме как с глубоким внутренним волнением и участием.

О том, чтобы их труд не пропал даром, позаботится сама предстоящая система мнимого конституционализма. Ибо, конечно же, коль скоро речь заходит о **негативной** стороне проблемы, мнение «теоретиков развития» правильно: существовавшее до сих пор русское самодержавие, т.е. централистская полицейская бюрократия, именно тогда, когда она побеждает ненавистного врага, не имеет, насколько в человеческих силах это предвидеть, иного выбора, кроме как самой выкопать себе могилу. Никакого так называемого "**просвещенного**" деспотизма для нее, в интересах самосохранения, не существует, но тем не менее вынужденно, в интересах престижа, она должна побрататься с теми экономическими силами, которые, в **русских** условиях оказываются носителями неукротимого «просвещения» и разложения. Она — тут, по-видимому, и Струве, и остальные, правы — не в состоянии предпринять попытку разрешения какой угодно большой социальной проблемы, не нанося себе при этом смертельный удар.

К тому времени, когда эти строки будут напечатаны, они, без сомнения, уже устареют. Никто не знает сегодня, что еще останется тогда от надежд либералов на то, что **теперь-то** закладывается основа освободительной, сламывающей бюрократический централизм реформы, и сколько этих надежд растает подобно фата-моргане. В последнем случае дело не обязательно будет происходить непосредственно в форме неприкрытой реставрации. Напротив, по крайней мере, в приближении, можно с уверенностью предполагать, что будет создано или же сохранено что-то вроде «конституции» и одновременно — более широкая сфера действия для прессы и для личных выступлений³. Ибо ведь и самые решительные сторонники старого режима могли бы позволить убедить себя в том, что бюрократия, если она затворит все окна и двери, также и сама принуждена будет блуждать в потемках. И, далее, по опыту других стран она могла бы надеяться, что мнимый конституционализм, сопряженный с какой-либо экономически ориентированной политикой «сплочения» мог бы оказаться инструментом куда более пригодным для того, чтобы по возможности сильнее утвердить свою властную позицию, чем неуклюжее так называемое «самодержавие». Определенная степень увеличения свободы выступлений оказалась бы тогда все-таки неизбежной, а после того как господство произвола заставляло представителей тех слоев, что заведомо отличались своим прямо-таки вошедшим в пословицы миролюбием, в дикой ярости выходить на улицы, чтобы в результате пристрелить не кого-то из «больших», но какого-нибудь несчастного полицейского, тогда для современных людей это будет уже все-таки кое-что. Но самостоятельные, с сильными характерами элементы социал-реформаторской буржуазной интеллигенции оказались бы тем самым, безусловно отесненными в сторону, как в том, что касается их программы, так и лично. Итак, в этом аспекте бюрократия автократического режима теперь, конечно, тоже пожинала бы плоды своей долготейшей демагогической политики, с одной стороны, пестующей капитализм, а с другой — препятствующей всякому упорядоченному развитию гражданской <burgerlichen> самостоятельности, натравливающей классы друг против друга, в то время как рассчитанная на сколько-

нибудь продолжительный срок, удовлетворительная для кого-либо конституционная и антицентралистская реформа с участием либеральной интеллигенции сегодня, видимо, столкнулась бы с трудностями, даже если бы монарх почувствовал призвание и склонность к тому, чтобы выступить в качестве реформатора. А то, что именно эта, ненавистная для бюрократии группа, получит в свои руки бразды правления, совершенно невероятно. Но конечно же: победа интересов бюрократической власти, которая **теперь**, по состоянию дел, должна со стороны казаться возможной и — хотя, пожалуй, и в конституционных формах, — весьма вероятной, оказалась бы последним словом в России ничуть не больше, чем в свое время «палата земельных советников» <Landratskammer> в Пруссии. Пусть результатом выборов станет самое послушное «народное представительство» — это ни о чем не говорит. Каждый крестьянин на всем протяжении империи будет лишь питать отсюда вновь вспыхивающую ненависть к «чиновникам»⁹⁾, хотя бы даже над страной повисла могильная тишина⁴. Но иллюзии и нимб, которым она себя окружила, скрывавшие это развитие, в существе своем разрушены. После всего, что произошло между царем и его подданными, ей будет трудно «сохранить лицо» и заново начать старую игру на старый лад. Слишком велико число тех, кто видел ее в наготе и кто должен был бы с улыбкой бросить ей в лицо: «Эй, факир! — Ты уже больше не станешь вызывать духов»¹⁰⁾.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Достаточно только взглянуть на еженедельник русской книготорговли «Книжный вестник», чтобы обнаружить теперь, после устранения цензуры, массовый наплыв переводов немецких «ортодоксальных» сочинений — в основном, только они и воспринимаются в России массами, а среди них — и вещи более ценные, и вполне «легковерная» (glaubige) макулатура. Представляется весьма вероятным, что разочарованная социал-революционная прагматика окажется либо реакционным социализмом, либо же станет нехотя приравниваться к «учению о развитии».
- 2 Что под этим следует понимать, вполне правильно, по-моему, охарактеризовал в основных чертах **Зомбарт**. «Окончательных» исторических понятий не существует. А нынешнего писательского тщеславия — относиться к используемой другими терминологии примерно так же, как к чужой зубной щетке, — я не разделяю.
- 3 <Это большое примечание, целиком содержащее фактографию предвыборной ситуации в России, мы опускаем. — А.Ф.>
- 4 Это следовало бы хорошенько зарубить себе на носу и немецкому «бюргеру», от которого ждут помещения капитала в русские государственные бумаги. Список приказов об арестах и запретов на собрания в деловом отношении для него **бесконечно более важен**, чем «стилизованная» с помощью (защищенных) зарубежных российских активов таблица курсов.
- 1) Либеральное министерство Кампхаузена—Ганземана, сменившее в Пруссии 29 марта 1848 г. консервативное правительство и пытавшееся, при сохранении прерогатив и права вето за прусским монархом, опосредствовать компромисс между ним и буржуазными либералами.
- 2) «Благожелательный феодализм» (англ.) — понятие, введенное У.Дж. Гентом и позже использованное Т. Вебленом. Оно означает разделение собственности и производственной компетентности.
- 3) В результате реформы государственной гражданской службы в США для занятия административной должности потребовались профессиональные, знания (до этого распределение должностей происходило на основе «spoils», т.е. «раздачи добычи» сторонникам победившей партии. Точку зрения американских рабочих Вебер приводит, в частности, в докладе «Политика как профессия»: «Пусть лучше чиновниками будут люди, на которых мы плюем, чем, как у вас (т.е. в Германии. — А.Ф.), каста чиновников, которые плюют на нас.» (Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 684).
- 4) Формулировка Гегеля в «Истории философии».
- 5) У Вебера — по-английски: «standardization».
- 6) «Обобществление» («Vergesellschaftung») — здесь, видимо, не столько в смысле «национализации», сколько в духе Зиммеля и позднейшего словоупотребления самого Вебера: объединение в общество, «совершение общества».
- 7) Игра слов, в сущности, непереводаемая: Prespfrunder.
- 8) От Иоанна, 9, 4.
- 9) В оригинале русское слово написано в немецкой транскрипции: «Тschinowniki».
- 10) Ф. Шиллер. Духовидец.

Перевод с немецкого А.Ф. ФИЛИППОВА